

ОТ АНТРОПОЛОГИИ «КАРТИНЫ...» А. И. ГАЛИЧА К ФИЛОСОФИИ ЧЕЛОВЕКА

В статье рассматриваются проблемы начала формирования факультета философии человека в контексте анализа ситуации в сфере духовной жизни конца 80-х — начала 90-х годов предыдущего века. Представлены доказательства преемственности философско-антропологических исследований Санкт-Петербургского педагогического института (1804–1819), проводимых под руководством профессора А. И. Галича, и институционализации исследований в области философии человека на факультете философии человека в РГПУ им. А. И. Герцена.

Факультет философии человека был открыт в Российском педагогическом университете им. А. И. Герцена в 1993 году. Однако философия как направление исследовательского поиска и образовательная дисциплина оказывается едва ли не в эпицентре интересов научно-педагогического сообщества Санкт-Петербургского главного педагогического института с момента его открытия в 1804 году. Эти факты, так же как и множество впечатляющих событий, связанных с первыми шагами философской эволюции нынешнего Герценовского университета, становятся доступными сколько-нибудь полному историческому описанию благодаря не затухающему в течение многих десятилетий вниманию к творчеству А. И. Галича (1783–1848). Он был в числе первых студентов и выпускников Санкт-Петербургского педагогического института. После его окончания в 1808 году А. И. Галич стажировался в университетах Германии (Гельмштадт, Геттинген) а, возвратившись в 1811 году в Санкт-Петербург, занял место преподавателя философии в Педагогическом институте. До преобразования Главного

педагогического института в Университет (нынешний Санкт-Петербургский государственный университет) А. И. Галич занимал в нем должности адъюнкт-профессора (1813 г.), экстраординарного профессора (1817 г.) кафедры философии и читал лекции по широкому кругу учебных дисциплин, включая метафизику, логику, психологию, этику, эстетику, историю философии и др. Один их перечень свидетельствует как об успешности заграничной стажировки по приготовлению к преподавательской деятельности, так и о незаурядности личности А. И. Галича.

О характере и уровне профессиональной подготовки А. И. Галича можно судить по числу образовательных программ, освоенных им во время заграничной командировки. В соответствии со специально разработанным наставлением своего учителя профессора П. Д. Лодия А. И. Галич в германских университетах должен следовать «благоразумному плану учения..., чтобы сделаться прямым философом, полезным гражданином и не быть подверженным опасности быть рассказчиком пустых умствований или бессмысленным распространителем мисти-

ческих заблуждений. И так он должен всеми силами стараться иметь понятие о вещах; он должен обзреть и научиться природе, не приступая еще к суждению о ее законах, он должен изыскивать человека как разумное существо, как жителя земного, прежде нежели начнет писать о свойствах людей; должен привыкать мыслить через математические науки, уметь взирать на все правление наук и, наконец, знать язык, который есть величайшее пособие для мыслей, прежде, нежели начнет делать проекты, которые без того будут токмо скопище бессмысленных слов. Следовательно, ему должно знать естественную историю, физику, медицинскую антропологию, всемирную историю, энциклопедию наук и всеобщую грамматику, до вступления в... философию. Всего удобнее начать оную эмпирической психологией, эстетикой, логикой, а потом перейти к метафизике»¹. Далее: П. Д. Лодий указывает на необходимость изучения «нравоучительного народного» и «общественного права», «политики», «истории философии», «правил воспитания, учения и образования», «педагогике»².

Своими напутствиями профессор П. Д. Лодий стремился предостеречь А. И. Галича от опасностей, проистекающих из ознакомления с творчеством основоположников немецкой классической философии. Университет Гельмштадта избирается в качестве стажировки Галича именно потому, что там работает профессор Г. Шульце, отстаивающий позиции эмпиризма и здравого смысла против «фантазий идеалистической метафизики вообще, и критической философии И. Канта в частности. Однако ученик не внял советам учителя. Идеи немецкой классической философии, и в особенности философии тождества (*Ф. Шеллинг*), были не только внимательно изучены и осмыслены Галичем, но получили дальнейшее развитие в его собственных самостоятельных исследованиях. Принцип тождества, истолкованный в духе шеллингианской романтики,

воспринимается Галичем в качестве исходного пункта самоопределения в выборе общефилософских позиций и одновременно — непреложного методологического требования, побуждающего усматривать истину в синтезе противоположностей. Так, вслед за Шеллингом Галич склоняется к мысли о необходимости построения двух взаимодополняющих философских наук — трансцендентального идеализма и философии природы («натурфилософии»). В этой связи уже в адъюнкт-профессорской диссертации А. И. Галич подчеркивает: «...два пункта определяют всегда новое движение — натура и дух, и ты носишься необходимо между реализмом и идеализмом. Все сии *измы*, конечно, истинны, потому что каждый содержит возможный какой-нибудь способ рассматривания мира, но и вместе ложны, потому что берут одну только какую-нибудь сторону, тогда как во вселенной все стороны имеют равное достоинство и значение»³. Из анализа трансцендентальной и натурфилософской частей выводится структура философского знания: «Подчиненные отрасли идеальной философии суть: логика, психология, метафизика, нравоучение, наука государственная, педагогика, к которой непосредственно примыкает история философии; отрасли же естественной философии: всеобщая физика, физика растительной, животной и, наконец, человеческой жизни»⁴. Наряду с трансцендентальной и естественной философией А. И. Галич выделяет еще «философию религии» и «математическую философию». По его глубокому убеждению, четыре части философии строго соответствуют основным подразделениям реальности (Бог, дух, природа, мышление). Основу такого понимания сути дела составляет принцип тождества материи и духа, в силу чего «...история идеального мира на земле должна быть равна истории материального; и кои периоды последней означаются известными произведениями и переменою земных тел; так

первую можно назвать по известному состоянию духа человеческого, общей целым периодам»⁵. Вот почему в центре внимания А. И. Галича всегда были проблемы антропологии. С их изучением он связывал возможность дать сколько-нибудь удовлетворительные ответы на остро актуальные вопросы онтологии, логики, этики, философии истории и др. и тем самым прояснить экзистенциальные условия аутентичной стратегии индивидуальной и родовой жизни человека. Иначе говоря, подобно своему старшему современнику И. Канту, А. И. Галич пришел к заключению, что все вопросы философии (онтологии, логики, этики и др.) могут быть строго сформулированы и правильно истолкованы только в контексте анализа антропологической тематики. Поэтому уже в 20-е годы XIX века Галич предпринял попытку построения единой, синтетической отрасли антропологического знания в специальной работе, опубликованной в 1834 году под знаменательным названием «Картина человека». Введение в научный обиход термина «картина человека» мотивировано потребностями преодоления тех же трудностей, которые предполагалось снять за счет словаря теоретико-познавательной аналитики понятиями о «миросозерцании» (*И. Кант*), «мировоззрении» (*Ф. Шеллинг*), о «научной картине мира». Согласно замыслу автора, понятие «картина человека» как никакое другое согласуется с целями преодоления внутренней антиномичности антропологического познания (знания) и представляет собой наиболее адекватную форму его выражения со стороны системной организованности и органической целостности. Еще и сейчас, как известно, мы столь же далеки от разрешения этих задач, как и во времена подготовки к публикации «Картины человека».

В сущности, современная «картина человека» мало чем отличается от «научной картины мира», поскольку обе они могут служить образцовой иллюстрацией дисциплинарной разобщенности, фраг-

ментарности, произвольной, «случайной смеси» различного рода теорий, гипотез и идей. Более того, XX век санкционировал такое состояние, придав значение непреложной истины принципу «плюрализма мнений» не только в политической сфере, но и в науках о человеке (и о природе). О картине человека, так же как и о картине мира, сегодня, если и говорится, то отнюдь не в терминах системной организованности и органической целостности. В лучшем случае речь идет о связях между фрагментами (то есть дисциплинами) картины», которые задаются заимствованным из физики принципом дополнительности Н. Бора. Философская и научная мысль XX столетия даже не ставит задач понять человека как сложный, многоуровневый, исторически изменчивый, но вместе с тем организованный и целостный феномен. Уничтожающей критике подвергаются всякие попытки связывать процесс антропологического познания с поиском условий его целостности. При этом неважно, имеется ли в виду целостность актуальная, или отдаленная историческая перспектива. Не просто историческая, а современная ценность «Картины человека» Галича заключается, прежде всего, в том, что она составляет вполне обоснованную жесткую оппозицию методологическому плюрализму и проистекающему из него антропологическому релятивизму и скептицизму. К тому же, эти сугубо рационалистические просветительские тенденции творчества Галича представлены в единстве с последовательным духовно-религиозным видением проблем антропологии в их приуроченности к важнейшим интенциям жизненного мира человека. Таким образом, антропологические воззрения А. И. Галича могут рассматриваться, во-первых, как специфическое выражение основополагающих идеалов эпохи Просвещения и идеалистической метафизики XIX века, во-вторых, — как форма неклассического философствования, опосредующая переход к духовной

ситуации XX века, и, в третьих, — как важнейший элемент метафизико-антропологической стратегии сегодняшнего дня. Все эти аспекты теоретического наследия А. И. Галича во многом еще лишь предстоит изучить и разработать в связи с развитием современных направлений антропологических исследований (философия, психология, педагогика, экономика, социология и т. д.).

Открытие факультета философии человека можно рассматривать в качестве естественного итога почти 200-летней истории философско-антропологических увлечений преподавателей Санкт-Петербургского педагогического института, начало которым было положено исследованиями А. И. Галича.

С высокой степенью вероятности можно утверждать, что нынешний факультет философии человека сформировался в результате длительного и вполне закономерного процесса институционализации антропологических и образовательных идеалов «Картины человека». Не менее убедительным выглядит и объяснение самого феномена факультета философии человека, исходящее из фактов тотальной антропологизации социогуманитарного образования конца 80-х — начала 90-х годов. Можно также считать, что решающее значение для открытия факультета имели инициативы академика И. Т. Фролова по созданию Института человека РАН. Истина, однако, имеет тенденцию избегать односторонностей и служит обобщенным выражением множества обстоятельств, определивших почти одновременное становление научно-исследовательского и образовательного учреждений антропологического уровня. Плодотворный опыт их деятельности в последние годы убеждает в справедливости общепринятого мнения, что «звездный час» философии наступает, когда она размышляет над преобладанием педагогики. Факультет создал условия максимальной концентрации внимания на изучении проблем филосо-

фии человека и философии образования, что отвечает назревшим потребностям построения антропологически обоснованной педагогической стратегии. В свою очередь, разработка антропологической тематики в непосредственной связи с вопросами образования, воспитания и обучения способствовала включению в поле анализа ранее мало изученных проблем и развитию новых направлений философских исследований. Эти тенденции находят отражение в структуре факультета, в наборе специальностей, по которым ведется профессиональная подготовка специалистов, аспирантов, докторантов.

Спустя десятилетие после открытия факультета философии человека (2003 г.) нельзя не признать, что у факультета уже есть собственная, вполне неповторимая биография, насыщенная множеством как очень важных, так и менее значительных, повседневных событий сложного и противоречивого процесса институционализации нового образовательного замысла. Более того, есть основания утверждать, что накопленный факультетом нетривиальный опыт подготовки учителей широкого социогуманитарного профиля за счет освоения ранее недостижимых для педагогического вуза философских специальностей стал неотъемлемой составной частью более чем 200-летней истории Герценовского педагогического университета.

Сама идея построения программ высшего профессионального образования учителя, специализирующегося в области философских наук (социальная философия, философская антропология, этика, эстетика, философия культуры и др.), родилась не на пустом месте, хотя и противоречила общепринятой традиции.

Дело в том, что до сегодняшнего дня остается неизблемым глубоко укорененный в сознании научного сообщества предрассудок, в силу которого считается неоспоримой принадлежностью философского образования к сфере исключитель-

ной компетенции так называемого «классического университета». Даже во времена безбрежной либерализации начала 90-х годов предложения о создании философского факультета в педагогическом вузе расценивались, хотя и не в качестве крайне еретических, но с учетом масштабов уклонения от «классики» как очевидно авангардистские. Однако авангард вообще, и образовательный авангард в частности, никогда не составлял жесткую оппозицию либеральным умонастроениям, являясь всего лишь формой их радикализации. Это совпадение «неклассических» идей философского факультета в педагогическом вузе с явно выраженными установками либеральных реформ на всемерное усиление инновационной образовательной активности создавало общие, в целом благоприятные условия (идеологические, политические, социальные и др.) для проведения в жизнь проекта профессиональной подготовки учителя философских дисциплин средней специальной и общеобразовательной школы. Тому же способствовала и назревшая к 1993 году потребность в специалистах широкого социогуманитарного профиля, владеющих умениями и навыками педагогического труда.

Как известно, выдвинутые у истоков «перестройки» и нынешних «реформ» лозунги деидеологизации и деполитизации с целью преобразования общественного сознания на началах принципа «плюрализма мнений» уже в начале 90-х годов ознаменовались существенным перераспределением ответственности за учебно-воспитательную деятельность между государством и школой. Подобно тому, как после Октябрьской революции 1917 года от государства была отделена церковь, в ходе реформ первой половины 90-х годов от него фактически оказалась отделенной и школа. Из-за отсутствия сколько-нибудь внятной общегосударственной образовательной политики школа была поставлена

перед необходимостью вполне самостоятельного определения высших телеологических задач воспитания человека и гражданина, включая выбор направлений и средств, формирование идеалов и разработку программ, обеспечивающих идейное и психологическое здоровье нации. Осознание данного обстоятельства не могло не мотивировать адекватных образовательных решений. В обозначившемся к 1993 году диапазоне их возможных вариантов идея факультета философии человека не то чтобы выглядела особенно привлекательной, она просто представлялась более или менее обоснованной, во-первых, выдвижением на передний план научного поиска проблем антропологии, во-вторых, опытом работы различного рода исследовательских центров изучения человека, в том числе и Института человека РАН, и, в третьих, согласованностью с целями кампании по гуманитаризации и гуманизации образования.

Положительное восприятие Министерством просвещения России проекта открытия факультета философии человека обеспечивалось еще и тем, что он предлагался от имени РГПУ им. А. И. Герцена. К началу 90-х годов Герценовский университет располагал столь значительным научно-педагогическим потенциалом в области философских наук, что мог конкурировать по этому показателю с ведущими классическими университетами России (например, Санкт-Петербургским государственным университетом). РГПУ располагал основными философскими кафедрами (философии, этики и эстетики, истории и философии религии, социологии), учебная и научно-педагогическая деятельность которых обеспечивалась преподавательским составом высокого уровня профессиональной компетенции. Достаточно сказать, что только на кафедре философии работало свыше 10 докторов философских наук, профессоров. При университете были открыты аспирантура и докторантура, работали кандидатские и докторские советы, охва-

тывающие едва ли не полный спектр философских специальностей.

Казалось бы, к концу 80-х — началу 90-х годов сложились все необходимые предпосылки для открытия факультета. Тем не менее, понадобилось около двух лет предварительной работы по обоснованию целесообразности и определению оптимальных условий практического воплощения этого нового для педагогического вуза образовательного проекта. И, наконец, весной 1993 года он был поддержан заместителем министра просвещения России В. А. Болотовым. Ответственность за практическую реализацию проекта взял на себя ректор Г. А. Бордовский, и в мае 1993 года им был издан соответствующий приказ, объявлен прием студентов на первый курс бакалавриата по специальностям «учитель философских дисциплин» и «практический психолог». К 1 сентября 1993 года факультет был полностью укомплектован, размещен в прекрасном учебном корпусе университета на Малой Посадской в доме № 26 и приступил к работе.

Сначала она осуществлялась силами общеуниверситетской кафедры философии и двух факультетских кафедр — практической психологии (заведующий — проф. В. Н. Панферов) и социальной педагогики (заведующая — проф. С. А. Расчетина). Такая структура факультета отвечала замыслу преодоления междисциплинарной разобщенности философских, психологических и педагогических знаний с целью решения единых образовательных и научно-исследовательских задач подготовки учителя широкого полигуманитарного профиля.

Этот замысел сформировался под влиянием реформ средней школы и коренных изменений содержания социогуманитарного образования вузов конца 80-х — начала 90-х годов, а также опыта СПбГУ, где на философском факультете не только мирно уживались, но и благодаря институциональному объединению успешно прогрессировали и философия,

и психология. Десять лет назад самому словосочетанию «кафедра философии» придавалось сугубо отрицательное значение своего рода «пережитка марксизма—ленинизма», а психология еще не имела столь недостижимо высокого престижа, как в наши дни. В ходе нередко остро полемических диалогов мы пытались оценить настоящее и в какой-то мере прогнозировать будущее философии и психологии как образовательных дисциплин и направлений научного поиска в педагогическом институте. Было ясно, что с учетом особенностей педагогического вуза успех может быть достигнут лишь на пути органичного синтеза философии и психологии, сосредоточения их усилий на изучении антропологической тематики и институализации в составе единого образовательного пространства (факультета). Вместе с тем задача представлялась почти неразрешимой из-за отсутствия в номенклатуре педагогических специальностей и философии, и психологии. Положение дел изменилось с получением Герценовским институтом статуса университета. Предоставилась возможность опереться на обширную аргументацию из истории европейских университетов, резюмированной Гумбольдтом в речи по поводу открытия Берлинского университета в виде безапелляционного утверждения, что не может быть университета без философского факультета.

Словом, было подготовлено обоснование проекта факультета, разработаны первые учебные планы с учетом требований максимальной интеграции философского и психологического образования, включающего три образовательных уровня, первоначально рассчитанных на семь лет обучения (2 + 3 + 2). Само собой разумеется, что обоснование проекта факультета, его профессионально-образовательные программы и учебные планы прошли целый ряд предварительных обсуждений, в результате которых они уточнялись и модифицировались. Пред-

метом напряженных дискуссий оставался вопрос о названии факультета. И только накануне его открытия, в ходе обсуждения этой темы в кабинете ректора Г. А. Бордовского, из десятка вариантов названий было принято словосочетание «философия человека», которым еще Аристотель обозначал корпус соответствующих, педагогически ориентированных философских и психологических дисциплин.

Усилия непосредственных участников реализации проекта (профессоров В. И. Стрельченко, В. Н. Панибратова, А. П. Валицкой, А. А. Королькова, А. А. Грыкалова, доцента В. А. Рабоша и др.) сделали свое дело. Министерство просвещения России признало и философию, и психологию в качестве педагогических специальностей, вследствие чего первый в нашем отечестве факультет философии человека смог состояться и развить инициативу по подготовке учителей философского и психологического профиля.

Несколько позже заведующая кафедрой МХК профессор Л. М. Мосолова не только добилась открытия специальности «культурология», но и согласилась вести подготовку культурологов на базе факультета философии человека. Совсем недавно, благодаря инициативе и настой-

чивости профессора А. П. Валицкой (заведующая кафедрой эстетики и этики), факультет философии человека приступил к подготовке специалистов в области связей с общественностью.

Несмотря на крупномасштабные потрясения, связанные с крушением первоначального образовательного замысла, вследствие обособления психологии и создания в университете психолого-педагогического факультета, факультет философии человека успешно адаптировался к новым условиям. Он справляется и с недавними (1999 г.) трудностями, когда в силу зависимости образовательного гнозиса от изменений сиюминутной социально-политической конъюнктуры, педагогический университет был лишен права подготовки учителей философско-мировоззренческого профиля. Этим, по существу, ошибочным решением ознаменовалась нынешняя попытка воссоединения государства и школы, положившая начало очередному этапу модернизации образования.

В год десятилетнего юбилея факультета философии человека можно утверждать, что у него есть не только суровое прошлое, но и вдохновляющее будущее, которое, безусловно, совпадает с магистральными направлениями прогресса знаний о человеке и образовании.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. Т. 1. М., 1875. С. 463–464.

² Там же. С. 465.

³ *Никитенко А. В.* А. И. Галич. СПб., 1869. С. 92.

⁴ См.: Представление экстраординарного профессора философии Галича о способе преподавания сей науки // *Никитенко А. В.* А. И. Галич. («Приложение») СПб., 1869. С. 93.

⁵ См.: Представление Галича в конференцию педагогического института... ОРИРЛИ. Архив А. В. Никитенко. 19582/СХХХ1163. Л. 2.

V. Strelchenko

FROM A. GALICH ANTHROPOLOGY TO THE PHILOSOPHY OF THE HUMAN

Issues of opening the Philosophy of the Human Faculty in the context of the analysis of the situation in the sphere of spiritual life at the end the 80s — the beginning of the

90s of the last century are considered. The institutionalization of research in the field of philosophy of the human held at the Faculty of the Philosophy of the Human at Herzen University is regarded as a follow up of the philosophic anthropological research held St. Petersburg Pedagogical Institute (1804–1819) supervised by Prof. A. I. Galich.